

М.С. Грушевский

**Иллюстрированная история украинского
народа**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.С. Грушевский**
Иллюстрированная история украинского народа / М.С. Грушевский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 382 с.

ISBN 978-5-458-06707-2

ISBN 978-5-458-06707-2

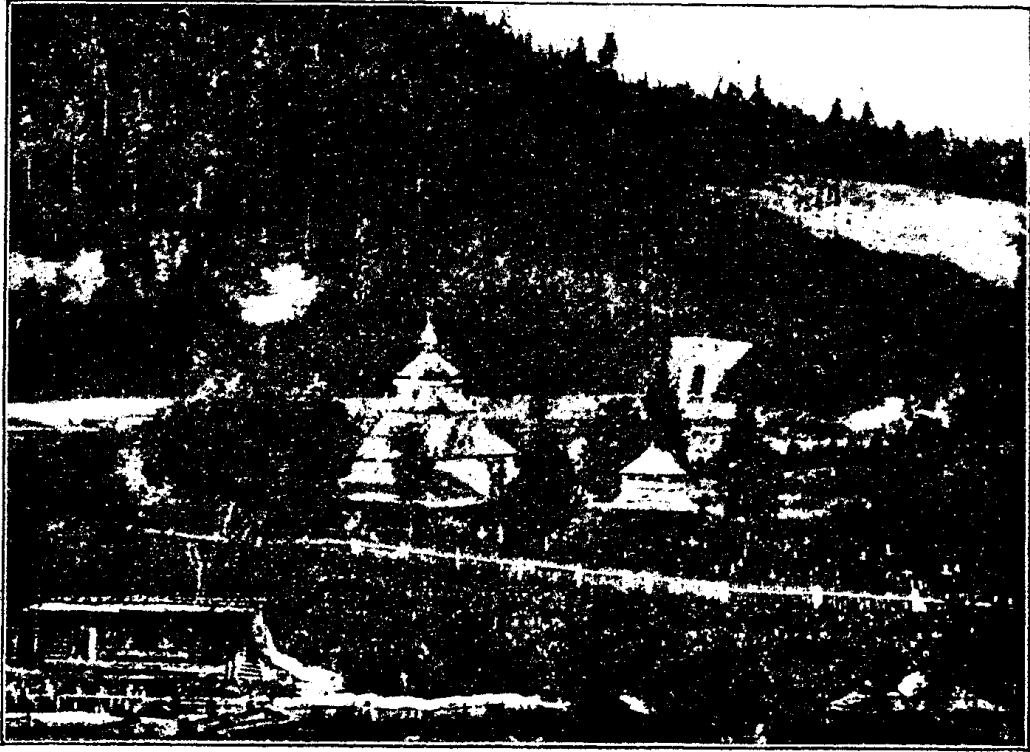
© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Западно-украинскій пейзажъ. Восточные Карпаты (Гуцульщина).

I. Украинскій народъ.

Нашею задачею является воссозданіе въ главнѣйшихъ чертахъ историческаго развитія украинскаго народа, или точнѣе, тѣхъ этнографическо-политическихъ группъ, изъ которыхъ на протяженіи столѣтій постепенно формируется то, что мы мыслимъ теперь подъ именемъ украинскаго народа, иначе называемаго „малорусскимъ“, „южнорусскимъ“, „русинскимъ“ или просто „русскимъ“ (какъ онъ до послѣдняго времени, по старой традиціи, назывался и даже теперь еще называется въ Галиціи). Эта разнородность названій не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ покрываетъ понятіе, въ концѣ концовъ, вполне определенное и ясное, но вмѣстѣ съ тѣмъ является характеристическимъ показателемъ тѣхъ историческихъ перемѣнъ, какіе пришлось пережить этому народу.

Его старое, историческое имя: „Русь“, „Русинъ“, „русскій“ въ періодъ его политическаго и культурнаго упадка было усвоено великорусскимъ народомъ, политическая и культурная жизнь котораго развивалась на традиціяхъ стараго Кіевского, Русскаго государства, и великорусскія государственныя организаціи — великое княжество Владимірское, затѣмъ Московское считали себя преемниками стараго Русскаго государства — въ виду династическихъ связей своихъ съ кіевскою династіею и другихъ связующихъ элементовъ. И вотъ, въ XIV в., когда центръ тяжести политической жизни изъ восточной Украины передвинулся, съ одной стороны, въ направленіи великорусскихъ земель, а украинская государственная

жизнь сосредоточилась въ западной Украинѣ, въ Галицко-Волынскомъ государствѣ, мы встрѣчаемся съ названіемъ „Малой Руси“—пока въ приложеніи къ этому послѣднему. Такъ, Юрій-Болеславъ, галицко-волынской князь въ одной грамотѣ (1335 г.) титулуется себя „княземъ всея Малыя Россіи“. Еще чаще встрѣчается это названіе въ грамотахъ константинопольскаго патріархата XIV в., гдѣ подъ названіемъ „Малой Россіи“ противопоставляются галицко-волынскія епархіи восточнымъ и сѣвернымъ (оставшимся подъ властью митрополитовъ „киевскихъ и всея Руси“, между тѣмъ, какъ галицко-волынскія епархіи получаютъ своего отдѣльнаго митрополита). Возможно, что подъ влияніемъ этой церковной терминологіи принялъ помянутый титулъ и Юрій-Болеславъ. Позже это названіе выходитъ изъ употребленія; но когда въ XVII в. украинскія земли входятъ въ составъ Московскаго государства и является необходимость отличить ихъ отъ московскихъ, термины „малороссійскій, Малая Русь, Малороссія“ получаютъ официальное признаніе и широкое распространеніе. Подъ влияніемъ этой официальной терминологіи прежнія названія и въ литературѣ Россіи и Западной Европы начинаютъ вытѣсняться этимъ „малорусскимъ“ терминомъ.

Но среди украинскаго общества этотъ терминъ не привился. Нѣкоторое время онъ спеціально прилагался къ официальной Малороссіи, т. е. къ областямъ, входившимъ въ составъ Гетманщины XVIII в., для обозначенія же всей народной стихіи и территоріи все болѣе широкое распространеніе получаетъ терминъ „Украина“, „украинскій“. Это старое названіе въ памятникахъ кіево-галицкихъ XII—XIII вв. употреблялось нарицательно, для обозначенія пограничья, но въ XVI в. оно становится спеціальнымъ, собственнымъ именемъ средняго Подніпровья, съ концомъ XV в. превратившагося въ полное опасностей, въ исключительныя условія поставленное и постояннымъ татарскимъ нападеніямъ подверженное пограничье. Въ XVII в., когда эта восточная Украина становится очагомъ новой украинской жизни, развивающейся въ рѣзкомъ противопоставленіи соціальному и національному укладу Польскаго государства и сосредоточивающейся въ себѣ пожеланія, мечты и надежды современной Украины, тогда и ея „украинское“ имя пріобрѣтаетъ особое значеніе. Оно неразрывно сростается съ этими стремленіями и надеждами, съ бурными взрывами украинской жизни, являющимися для послѣдующихъ поколѣній путеводной звѣздой, неисчерпаемымъ источникомъ національнаго и политико-общественнаго сознанія, надеждъ на возрожденіе и развитіе. Литературное возрожденіе XIX в. принимаетъ названіе „украинскаго“ для обозначенія этой новой національной жизни. Для того чтобы подчеркнуть связь новой украинской жизни съ ея старыми традиціями, это украинское имя употреблялось одно время въ сложной формѣ „Україна-Русь“, „українсько-руський“: старое традиціонное имя связывалось съ новымъ терминомъ украинскаго возрожденія и движенія. Но въ послѣднее время все шире употребляется и въ украинской и въ другихъ литературахъ простой терминъ „Украина“, „украинскій“, не только въ примѣненіи къ современной жизни, но и къ прежнимъ ея фазисамъ, и это названіе вытѣсняетъ постепенно всѣ прочія. Для обозначенія же всей совокупности восточно-славянскихъ группъ, у филологовъ называемой обыкновенно „русскою“, приходится употреблять названіе восточно-славянской, чтобы избѣжать путаницы „русскаго“ въ значеніи великорусскаго, „русскаго“ въ значеніи восточно-славянскаго, и наконецъ „русскаго“ въ значеніи украинскаго (какъ оно еще и посейчасъ въ полной силѣ остается въ обиходѣ Галиціи, Буковины и Угорской Руси). Эта путаница подастъ поводъ къ постояннымъ неумышленнымъ и умышленнымъ недоразумѣніямъ, и это обстоя-

тельство принудило украинское общество въ послѣднее время твердо и рѣшительно принять названіе „Украины“, „украинскаго“.

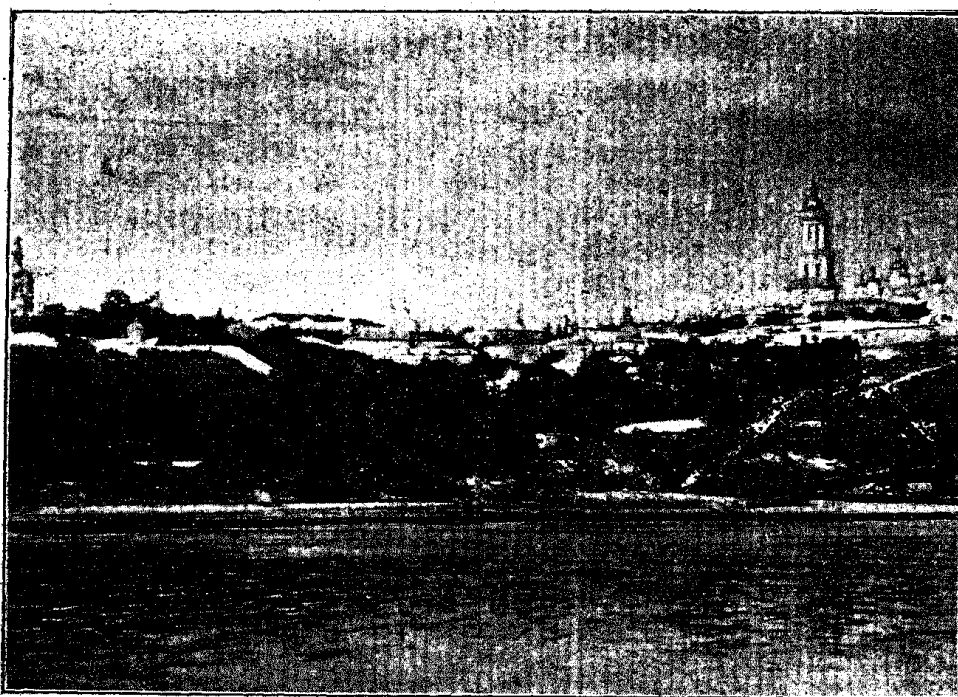
Въ этой неясности и путанности терминологіи отразилась тяжелая историческая судьба украинскаго народа. Неблагопріятныя историческія условія лишили его всякаго значенія въ современной культурной и политической жизни, хотя по численности онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе крупныхъ народностей Европы. Компактной массой занимаетъ украинскій народъ большую и плодородную территорію, а въ своей исторіи и въ произведеніяхъ своего духа онъ доказалъ свои выдающіяся культурныя способности, богатые дарованія и право на пріобрѣтеніе своего особеннаго мѣста въ исторической жизни. Разбивъ его политическую жизнь, погрузивъ его на дно экономическаго, культурнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и національнаго упадка, эти неблагоприятныя историческія условія покрыли забвеніемъ свѣтлые и славные моменты его прошлой жизни, проявленія его активности, его творческой энергіи и на цѣлые вѣка бросили на распутья политической борьбы, какъ безоружную, беззащитную добычу завоевательныхъ аппетитовъ его сосѣдей, какъ этнографическую массу, лишенную національной фізіономіи, безъ традицій, даже безъ имени.

Правда, въ настоящее время это паденіе украинской жизни въ значительной степени является уже моментомъ пройденнымъ, — пройденнымъ безвозвратно. Съ каждымъ годомъ замѣтнѣе въ ней ростъ и подъемъ. Возрождается самосознаніе и активность въ обществѣ и въ народныхъ массахъ, возрождаются традиціи. Пониманіе украинской исторіи какъ одного непрерывнаго процесса, проходящаго черезъ всѣ перипетіи историческаго развитія отъ зачатковъ исторической жизни, и даже изъ-за предѣловъ этой послѣдней, вплоть до нашего времени, входитъ все глубже въ сознаніе и перестаетъ представляться чѣмъ то страннымъ и еретическимъ, какимъ представлялось еще такъ недавно.

Восточно-украинскій пейзажъ. На берегахъ Удая (Полтавск. г.).

По традиціямъ старой московской историографіи, принятымъ новѣйшею русскою, факты украинской исторіи обыкновенно включались эпизодически въ традиціонную схему восточно-европейской, или, какъ она называется обыкновенно, — русской исторіи. Последняя начиналась старѣйшими извѣстіями о восточной Европѣ (обыкновенно — съ дославянской колонизаціи); послѣ обзора славянскаго расселенія слѣдовало изложеніе исторіи Кіевского государства, доводившееся до второй половины XII в., послѣ чего нить повѣствованія переносилась въ в. кн. Владимірское, потомъ Московское, и наконецъ, исторія Московскаго государства переходила въ исторію Русской имперіи. Эпизодически, для выясненія нѣкоторыхъ моментовъ въ политической исторіи Московскаго и Россійскаго государства иногда включались сюда такіе эпизоды, какъ государство Данила, присоединеніе бѣлорусскихъ и украинскихъ земель къ великому княжеству Литовскому и унія его съ Польшою, казацкія возстанія, войны Хмельницкаго и т.

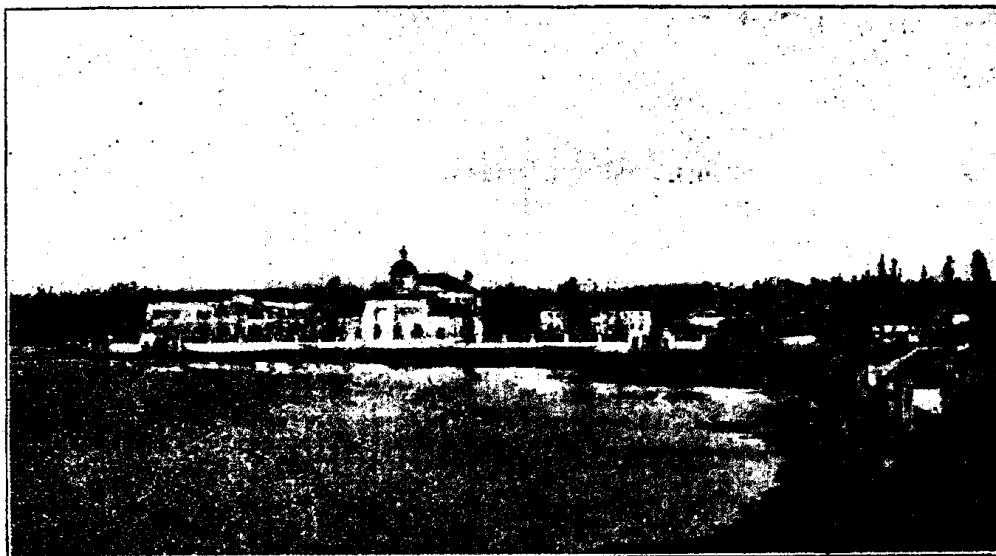

Кіевъ.—Печерская обитель съ берега Днѣпра.

п. Такимъ образомъ, начальныя стадіи исторической жизни украинскаго народа растворялись въ „русской исторіи“, средніе вѣка (XIV—XVI) терялись въ исторіи в. кн. Литовскаго и Польши, и при украинской исторіи, какъ она мыслилась обыкновенно (да часто мыслится и посейчасъ), оставалась только эпоха „отпаденія отъ Польши“ и „присоединенія къ Россіи“, то есть, исторія украинскаго козачества, обрывавшаяся съ упраздненіемъ гетманства или, по желанію, продолжавшаяся исторіей украинскаго возрожденія.

Первыя попытки связать въ органическое цѣлое съ этимъ общепризнаннымъ украинскимъ періодомъ предшествующіе вѣка историческаго развитія украинскаго народа принимались съ недовѣріемъ или даже раздраженіемъ, какъ неумѣстный капризь, какъ проявленіе какихъ-то тенденцій, своего рода политиканство въ наукѣ, — какъ одно изъ проявленій „украинскаго сепаратизма“. Однако, ближе знакомясь съ новѣйшими построеніями украинской исторіи, безпристрастные

ученные имѣютъ возможность убѣдиться, что тенденція тутъ не причемъ, и что изслѣдованіе исторіи украинскаго народа въ ея цѣломъ послужитъ цѣнной поправкою къ сборной схемѣ „исторіи государства Россійскаго“¹⁾.

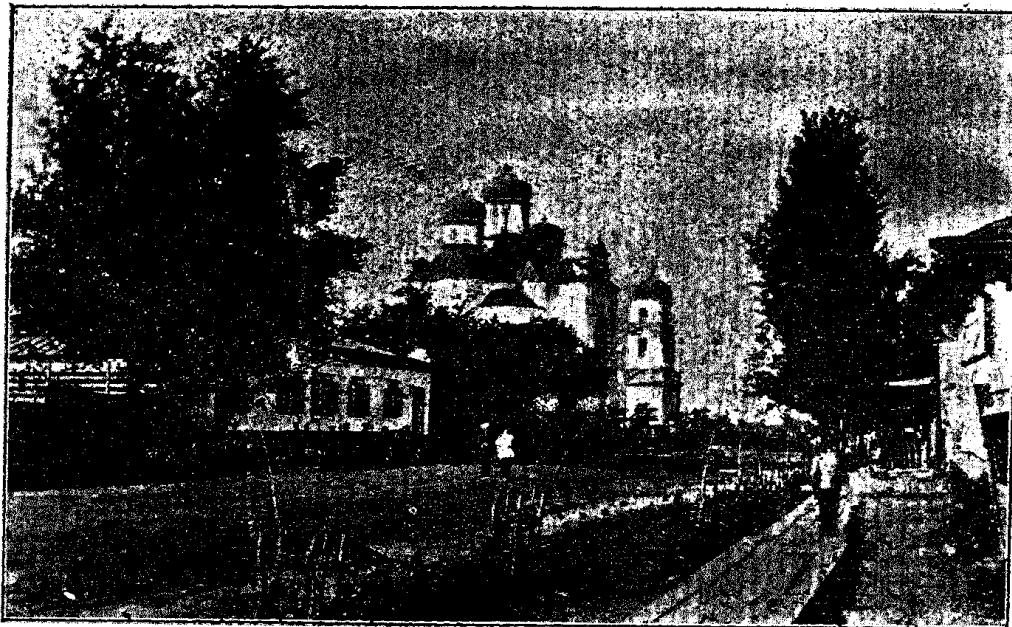

Видъ Чернигова.

По мѣрѣ развитія и движенія украинской жизни вообще теряютъ свою остроту споры на тему національной обособленности украинскаго народа, такъ горячо и раздражительно трактовавшіеся еще недавно. Вопросъ о самостоятельности украинской исторіи тоже входитъ въ эти споры, хотя они и происходили главнымъ образомъ на почвѣ филологической, и наиболѣе острымъ и рѣшающимъ пунктомъ въ нихъ являлся вопросъ о томъ, является ли украинская рѣчь самостоятельнымъ языкомъ, или только нарѣчіемъ того „русскаго“ языка, въ составъ котораго какъ другой членъ входитъ нарѣчіе великорусское съ бѣлорусскимъ „поднарѣчіемъ“. Рядъ выдающихся языковѣдовъ признавалъ украинскую рѣчь отдѣльнымъ языкомъ—какъ съ другой стороны нѣтъ недостатка еще и теперь въ сужденіяхъ, признающихъ украинскую рѣчь только нарѣчіемъ. Лингвистическая близость съ сосѣдними народами—великорусскимъ и польскимъ давала поводъ даже отрицать существованіе украинскаго народа, какъ такового, и его право на самостоятельное культурное и политическое развитіе. Такіе голоса раздавались,—да и теперь еще не перестаютъ раздаваться,—съ польской и великорусской стороны; они представляли украинскую народность только провинціальной разновидностью польской или великорусской народности хотѣли видѣть въ ней лишь простую этнографическую массу, долженствующую служить строительнымъ матеріаломъ для національности польской или великорусской. Понятно само собою, что въ основа и такихъ взглядовъ лежатъ тенденціи чисто политическаго характера: они являются порожденіемъ эгонистическихъ стремленій народностей, пользующихся преобладаніемъ въ извѣстныхъ частяхъ украинской территоріи и стремящихся задержать украинскую народность въ служебной роли навсегда. Но эти стремленія очень часто прикрываются научной внѣшностью, въ особенности въ Россіи, гдѣ украинскій вопросъ сохраняетъ свою остроту и сейчасъ. Представители этихъ теченій выдвигаютъ положеніе, что украинская

¹⁾ Объ этомъ см. мою статью: «Звычайна схема «русской» исторіи і справа національнаго укладу исторіи Східньої Европи» въ сборникѣ петербургской академіи: Статьи по славяновѣдѣнію, т. I.

рѣчь, являясь нарѣчіемъ „русскаго языка“, не должна развиваться въ качествѣ литературнаго и культурнаго орудія: Украинцы должны пользоваться „общерусскимъ“, т. е. въ дѣйствительности — великорусскимъ литературнымъ языкомъ. Здѣсь подмѣниваются понятія: великорусскій языкъ, разговорный и литературный, вовсе не составляетъ „общерусскаго“ языка, а подобно украинскому является только „нарѣчіемъ“ того идеальнаго „русскаго“ или восточно-славянскаго языка, къ которому возводятся современныя восточно-славянскія нарѣчія, но который конкретно не существуетъ и даже не существовалъ никогда¹⁾. Затѣмъ, понятіе языка и нарѣчія вполнѣ условны: они отмѣчаютъ лишь извѣстную градацію, отношенія вида къ роду, но безотносительно ставя вопросъ, собственно невозможно установить тѣ требованія, которымъ должна отвѣчать какая-нибудь

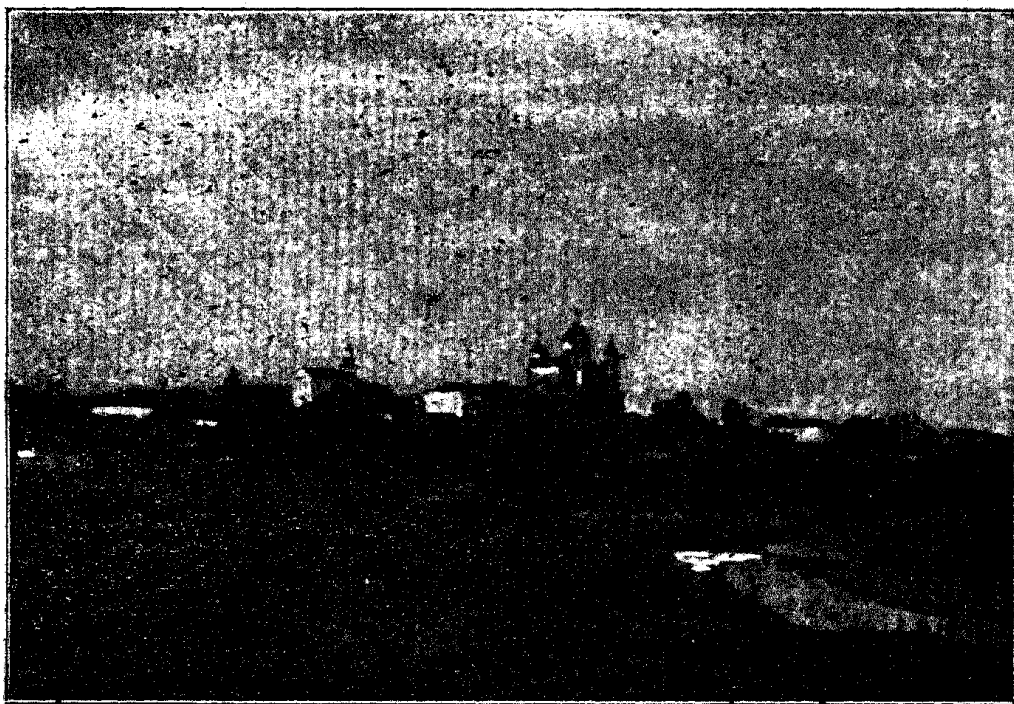
Черняславль.—Покровская церковь Мирныч.

рѣчь для того, чтобы быть признанною отдѣльнымъ и самостоятельнымъ языкомъ. Поэтому и украинскую рѣчь одни считаютъ языкомъ, другіе нарѣчіемъ, но то или другое рѣшеніе этого вопроса не предрѣшаетъ культурнаго значенія ея. Культурное и національное значеніе извѣстнаго языка зависитъ не отъ лингвистическихъ опредѣленій, а отъ историческихъ условій, жизненныхъ силъ народности и культурнаго содержанія, вкладываемыхъ ею въ свой языкъ. Безъ сомнѣнія, культурные успѣхи украинской жизни послѣдняго десятилѣтія измѣнили въ пользу украинства взгляды на культурное и національное полноправіе украинской народности гораздо больше, чѣмъ всё теоретическіе, научные аргументы, и они, несомнѣнно, будутъ вліять еще сильнѣе съ дальнѣйшимъ ихъ движеніемъ.

Будутъ ли называть украинскую рѣчь языкомъ или нарѣчіемъ, все равно нужно признать, что украинскіе говоры составляютъ извѣстное лингвистическое цѣлое, въ пограничныхъ говорахъ своихъ приближающееся къ сосѣднимъ славянскимъ языкамъ: словацкому, польскому, бѣлорус-

¹⁾ Весьма опредѣленно выясняетъ эти вопросы записка петербургской академіи, составленная для соображеній по вопросу объ отмѣнѣ запрещеній, тяготившихъ на украинскомъ словѣ: „Императорская Академія Наукъ. Обь отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова“. 1905 г. (новое изданіе 1910 г.).

скому и великорусскому, но въ своихъ наиболѣе характеристическихъ и типическихъ діалектахъ отличающееся отъ этихъ сосѣднихъ и наиболѣе близкихъ славянскихъ языковъ весьма замѣтнымъ образомъ (въ цѣломъ рядѣ фонетическихъ, морфологическихъ и синтаксическихъ особенностей). Такъ же точно отличается украинская народность отъ своихъ ближайшихъ сосѣдей особенностями антропологическими (въ устройствѣ тѣла) и психофизическими (въ складѣ индивидуальнаго характера, въ отношеніяхъ семейныхъ и общественныхъ, въ бытѣ и культурѣ матеріальной и духовной). Эти психофизическія и культурныя особенности, имѣющія за собою болѣе или менѣе продолжительную историческую давность долгой процессъ развитія, совершенно опредѣленнымъ образомъ объединяють въ одно національное цѣлое отдѣльныя группы украинскаго населенія, ограничивая ихъ отъ другихъ подобныхъ цѣлыхъ, и превращають въ национальную индивидуальность, въ народъ, съ долгою исторіею развитія.

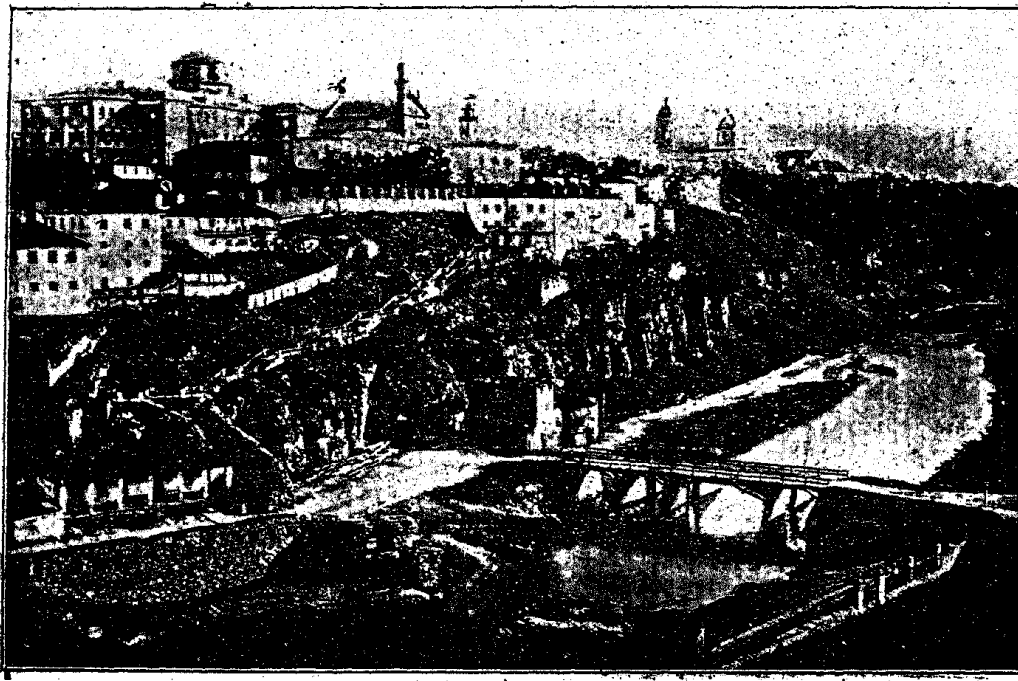

Кіевское Полѣсье.—Видъ Овруча, старой столицы Древлянскои земли.

Въ настоящее время состояніе украинскаго населенія представляется такъ: украинская колонизація въ сплоченныхъ массахъ (т. е. не считая изолированныхъ и удаленныхъ отъ общей массы колоній) окружаєтъ широкою полосою сѣверное побережье Чернаго моря приблизительно между 44° и 53° сѣверной широты и 38° — 62° восточной долготы¹⁾. Она обнимаетъ горную область по обѣимъ сторонамъ Карпатъ отъ Магуры до Трансильванскихъ горъ и, огибая нижнее Подунавье, занятое теперь румынскою колонизаціею, охватываетъ бассейны Днѣстра и Южнаго Буга, верхнее и среднее теченіе Западнаго Буга со смежными частями бассейна

¹⁾ Долгота указана отъ перваго меридіана (это соотвѣтствуетъ 20° — 44° долготы отъ Гринвича и 10° — 14° отъ Пулкова); восточную границу можно обозначить только условно: я беру область средней Кумы, крайнюю территорію, гдѣ украинское населеніе составляетъ большинство (Новогригорьевскій уѣздъ, гдѣ при переписи 1897 г. насчитано 54% украинскаго сельскаго населенія); но многіе изслѣдователи принимаютъ крайнимъ предѣломъ каспійское побережье, такъ какъ въ ослабленномъ видѣ украинская колонизація продолжается до самаго побережья.

Сана, среднее и нижнее течение Днѣпра, почти весь бассейн Дона, простираясь въ среднее течение Дона, и, наконецъ, значительныя части бассейновъ Кубани, Кумы и Маныча, мѣстами проникая глубоко въ горную область Кавказа и прикаспійскія степи. Сѣверною границею приблизительно служитъ линія р. Припети, за которую украинская территорія выдвигается къ сѣверу двумя выступами, раздѣленными бѣлорусскимъ клиномъ верхняго Днѣпра: въ бассейнъ Зап. Буга она простирается до области р. Нарева, въ бассейнъ Десны приблизительно до области р. Судости, и эти порѣчья даютъ крайніе контуры украинской территоріи на сѣверѣ¹⁾. Южную границу составляютъ берега Чернаго и Азовскаго морей.

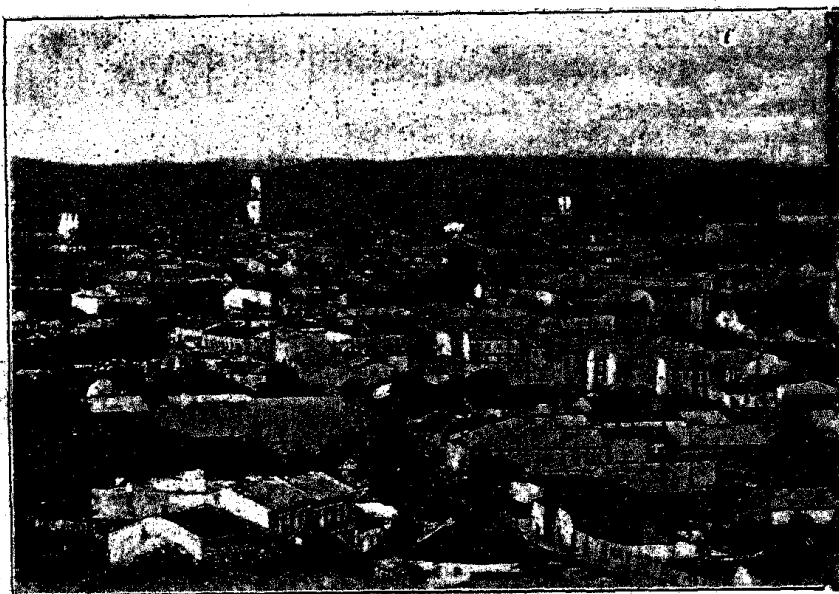
Г. Каменецъ-Подольскій со стороны польскихъ фольварковъ.

Въ политическомъ отношеніи эта территорія входитъ въ составъ Россіи, Австріи и Венгріи. Она заключаетъ въ себѣ: въ Австріи всю восточную Галицію, горную подкарпатскую область Западной Галиціи до „Руської ріки“ (притока Дунайца) на западѣ, и сѣверо-западную часть Буковины; въ Венгріи сосѣднюю съ украинскою территоріею Галиціи горную область (къ югу отъ Карпатъ) въ комитетахъ Спишскомъ, Шаришскомъ, Землинскомъ, Ужскомъ, Бережскомъ и Мармарошскомъ, въ Россіи губерніи: Волынскую со смежными частями Люблинской, Сѣдлецкой, Гродненской и Минской, Кіевскую, Подольскую, значительную часть Бессарабской, всю Херсонскую, Екатеринославскую и материковую часть Таврической, всю Полтавскую и Харьковскую, большую часть Черниговской, юго-западныя части Курской, восточную часть Воронежской губерніи и Донской области, значительныя части Кубанской и губерніи Черномор-

¹⁾ Здѣсь затрудненіе представляетъ существованіе среднихъ, переходныхъ украинско-бѣлорусскихъ говоровъ, болѣею частью не изслѣдованныхъ достаточно, и это вноситъ нѣкоторую неясность въ наши представленія объ этнографической границѣ (ср. этнографическія карты Е. О. Карскаго, Бѣлоруссы, т. I).

ской (Новороссійской) и Ставропольскій (къ которой принадлежатъ затѣмъ болѣе изолированныя колоніи Астраханской и Саратовской губерніи)¹⁾.

Чтобы установить съ совершенною точностью украинскую территорію, т. е. область, въ которой украинское населеніе является преобладающимъ, нужны точныя, объективно и научно собранныя этнографическо-статистическія данныя. Ихъ въ настоящее время очень мало, такъ какъ официальные статистическія данныя Россіи и Австро-Венгрии (каждыя въ своемъ родѣ) оставляютъ желать очень многого; поэтому, украинская территорія можетъ быть установлена пока только приблизительно²⁾. Такъ, приблизительно въ Австро-Венгрии она занимаетъ около 85 тыс. квадратныхъ километровъ, съ общою численностью населенія около 7 миллионѣвъ. Въ Россіи свыше 750 тыс. кв. километровъ, съ населеніемъ свыше 33 миллионѣвъ. Всего около 850 тыс. кв. километровъ, или 15 тыс. кв. миль³⁾, съ населеніемъ свыше 40 миллионѣвъ.

Общій видъ Львова (Лемберга).

Общее число собственно украинскаго населенія на этой территоріи нужно считать, около 33 миллионѣвъ—цифры опять таки не могутъ быть вполне точны, такъ какъ при нынѣшнихъ условіяхъ переписи цифры народностей, находящихя въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ всегда выходятъ ниже дѣйствительности, а перепись Россіи 1897 г., на которой приходится главнымъ образомъ основывать свои выводы, составлена притомъ довольно небрежно. На очерченной выше территоріи Россіи она насчитываетъ около 21.400.000 украинскаго населенія⁴⁾, но, несомнѣнно, цифра

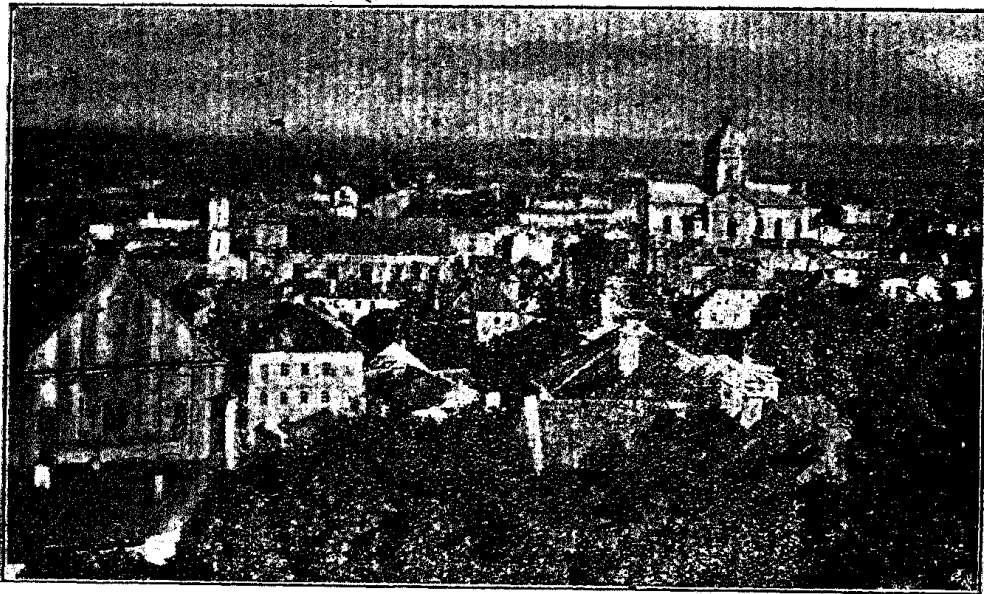
¹⁾ См. карту на стр. 14; болѣе подробности: Г. Величко «Народнисна карта украинско-руського народу», Львів, 1895; этнографическія карты въ VII т. «Трудовъ этногр. экспедиціи въ юго-зап. край» (1871); Czernig. Ethnographische Karte, 1853 (для провинцій Австріи и Венгрии); С. Томашівський, Етнографічна карта Угорської Русі, 1910 (Статті по славяновѣднню. III).

²⁾ Результатами переписи 1897 г. въ Россіи для исправленія старыхъ этнографическихъ картъ почти нельзя было воспользоваться, такъ какъ она дала лишь общія поуѣздныя цифры.

³⁾ Ср. подсчетъ поверхности у Величка «Введено въ географію України-Русі», Стрѣльбицкаго «Исчисленіе поверхности Европейской Россіи».

⁴⁾ Ср. общій подсчетъ результатовъ переписи также въ статьѣ Ярошевскаго въ «Кіевск. Старинѣ», 1905, кн. VI.

эта гораздо ниже действительной: счетчики не включили нѣкоторые переходные типы украинскаго населенія на этнографическихъ пограничьяхъ; городское населеніе въ болѣе значительныхъ городахъ и представители высшихъ сословій почти поголовно вошли въ категорію великорусскаго населенія, хотя, несомнѣнно, не принадлежать къ таковому. Несомнѣнно, что въ общей сложности недочетъ былъ гораздо больше милліона, такъ что современное украинское населеніе указанной территоріи Россіи, принимая въ расчетъ пятнадцатилѣтній приростъ (колеблющійся обыкновенно между 1,5 и 1,75‰), нужно считать не менѣе 28 милліоновъ. Украинское населеніе указанной выше территоріи Австро-Венгрии въ настоящее время нужно считать около 4,5 милліоновъ, а именно: въ восточной Галиціи свыше 3,5 милл., на смежномъ подгорьѣ западной Галиціи около 70 тыс., въ Буковинѣ свыше 300 тыс., въ сѣверной Венгрии около 500 тыс.¹⁾ Такимъ образомъ, общая численность украинскаго

Видъ г. Перемышля

населенія на очерченной выше территоріи достигаетъ 32—33 милл. Въ ея украинское населеніе встрѣчается, во-первыхъ, въ пограничныхъ полосахъ съ преобладающимъ инороднымъ населеніемъ, во-вторыхъ, въ болѣе или менѣе значительныхъ колоніяхъ (иногда въ видѣ цѣлыхъ группъ поселеній), въ другихъ мѣстностяхъ Европейской и Азіатской Россіи, Австро-Венгрии, Румыніи, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Канады и Бразиліи, въ общей сложности достигая, вѣроятно, не менѣе 2,5—3 милл., такъ что

¹⁾ Перепись 1910 г., судя по предварительнымъ подсчетамъ, насчитала въ Галиціи (восточной и западной) украинскаго (русинскаго) населенія 3.283 тыс.; къ нимъ нужно присоединить: а) весьма значительное количество украинскаго населенія, исповѣдующаго католичество и въ силу этого при галицкихъ переписяхъ зачисляемаго въ категорію Поляковъ; б) не поддающійся учету, но довольно значительный процентъ, при переписи причисляемый къ господствующей народности; в) естественный приростъ (около 1,1‰ ежегодно). Въ Буковинѣ перепись 1900 г. насчитывала 298 тыс. (ежегодный приростъ около 1,3‰). Въ сѣверной Венгрии въ 1900 г. украинскаго населенія насчитано 409 тыс., а съ военнымъ контингентомъ 411 тыс., при приростѣ около 1,16%, но это число, не сомнѣнно, было значительно ниже действительности.